

**ОТЗЫВ**  
**официального оппонента**  
**на диссертацию на соискание ученой степени**  
**кандидата искусствоведения**  
**Антипина Константина Сергеевича**  
**на тему:**

«Архитектура подмосковных научных центров 1950–1980-х годов»  
**по специальности 5.10.3. Виды искусства**  
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Диссертация К.С. Антипина представляет собой фундаментальное исследование архитектурно-градостроительной истории подмосковных научных центров 1950–1980-х годов. Избранная автором тема очевидным образом актуальна. Сегодня история советской архитектуры находится в фокусе внимания множества российских и зарубежных специалистов. Публикуются монографии, проводятся конференции, устраиваются выставки, научное изучение материала сопровождается популяризацией при посредстве разнообразных просветительских проектов. Более того, можно отметить, что в последние десятилетия эти исследования вышли на новый уровень, и генерализующие схемы предыдущего периода постоянно уточняются, усложняются, дополняются новыми сюжетами, новым материалом, в т. ч. архивным. И диссертация К.С. Антипина вносит в эти процессы и в наше понимание истории отечественного зодчества существенный вклад. Кроме того, многие архитектурно значимые сооружения советского периода (в т. ч. 1950–1980-х) годов либо уже утрачены, либо находятся под угрозой уничтожения. К.С. Антипин в своей работе вполне наглядно демонстрирует формальные и градостроительные качества изучаемых ансамблей и зданий – и тем самым доказывает их историко-художественную ценность и важность их сохранения в качестве необходимого элемента отечественного наследия. Это обстоятельство также свидетельствует о высокой актуальности исследования.

Сюжет, избранный К.С. Антипиным, выглядит вполне неисчерпаемым, поэтому автор вынужденно ограничивается архитектурными комплексами трех подмосковных научных центров АН СССР, спроектированных московскими (а затем и местными) мастерскими ГИПРОНИИ. В центре внимания в этой работе находятся три города – Пущино, Троицк и Черноголовка. Впрочем, количество привлекаемых архивных документов, проектных материалов, публикаций в прессе и проч. таково, что и одного из этих городов с избытком хватило бы для кандидатской диссертации. Автор же не только подробно анализирует градостроительную и архитектурную историю каждого из них (как сейчас принято говорить, «в сравнительной перспективе» – сопоставляя их и делая из этого сопоставления важные выводы об организации проектирования в СССР), но и ставит эти ансамбли в более широкий контекст, который включает и планы по созданию комплекса Академии Наук в Москве, и Новосибирский Академгородок, и городок СО ВАСХНИЛ и т. д.

Работа выполнена на стыке целого ряда дисциплин – это и история архитектуры и градостроительства как отрасли искусства, и социальная, институциональная история проектно-строительной сферы, и история науки; также затрагиваются вопросы, находящиеся в ведении политической истории, истории экономики и проч. Но прежде всего диссертация К.С. Антипина – это именно превосходное искусствоведческое исследование, выполненное с использованием современного инструментария и демонстрирующее профессионализм автора, отличные аналитические навыки, столь ценимые историками искусства «глаз» и «насмотренность», умение интерпретировать архитектурную форму, «читать» проектную графику, разбираться в сложной эволюции градостроительных планов и соотносить проекты с реальностью. А еще – более чем впечатляющую эрудицию, которая позволяет автору анализировать изучаемые объекты и сюжеты в широком контексте отечественной и мировой архитектурной истории, сопоставлять формальные приемы, композиционные решения, стилистические характеристики,

принципы проектирования и организации научных комплексов («павильонная» композиция объемов, «модульность», пропорциональная сетка и т. д.) с соответствующими примерами и тенденциями из советской и интернациональной практики. В качестве небольшого замечания отметим, что такая ширина охвата материала неизбежно влечет за собой некоторый лаконизм в анализе отдельных сооружений; применительно ко многим из упоминаемых зданий можно выстраивать «дерево» аналогов, формальных источников и примеров декоративных решений, стилистических ассоциаций, структурных параллелей – тем более что создатели этих построек сами были погружены в современный контекст и не избегали возможности применить свои знания в проектах. Но такой подробный анализ – дело уже следующих монографий, в которых может быть (и, хочется надеяться, будет) продолжено изучение каждого из рассмотренных ансамблей. Для избранного К.С. Антипиным ракурса исследования глубина и полнота анализа представляется вполне достаточной – в противном случае объем диссертации превысил бы все разумные пределы, а ясность и наглядность предложенной автором концепции пострадали бы.

Положения, выносимые на защиту, и выводы автора убедительны и обоснованы материалом исследования, их достоверность обеспечивается обширным корпусом архивных данных, многие из которых К.С. Антипин впервые вводит в научный оборот. В своей работе автор опирается на материалы из собраний Архива Российской академии наук, РГАЭ, РГАЛИ, ГАРФ, ЦГА Москвы, ЦГА Московской области, Музея архитектуры им. Щусева, Музея Москвы, региональных музеев и архивов и т. д., а также из личных архивов архитекторов. Источниковая база исследования также включает многочисленные постановления органов государственной власти, воспоминания участников событий и материалы интервью с ними, проведенных К.С. Антипиным.

Структура работы выглядит стройной и логичной, она вполне отвечает той цели и системе задач, которые ставит перед собой – и сразу отметим, успешно

разрешает – диссертант. Текст выстроен по хронологическому принципу и членится на главы сообразно основным этапам проектирования подмосковных научных комплексов и основным архитектурным тенденциям, получившим развитие в этих проектах. Первая глава отведена под предысторию событий, в ней автор рассматривает сюжет с планами устройства комплекса Академии Наук в Москве, а также обсуждает процесс формирования проектных структур Академии и историю с решением о выносе академических научных комплексов в Подмоскowie. Каждая из глав делится на параграфы, предваряется обзором их содержания и включает резюме, в котором К.С. Антипин кратко проговаривает основные идеи и выводы. Такое построение глав представляется вполне безупречным и весьма выигрышным в риторическом отношении, оно позволяет автору удержать внимание читателя и донести до него свои идеи – что весьма непросто с учетом огромного количества материала и сложно устроенного нарратива (здесь оппонент воспользовался бы определением «полифонический», если бы употребление музыкальных метафор в рецензиях не было бы затертым до степени пошлости). Вероятно, структура основного текста из пяти глав – предел, достижение которого понуждает диссертанта вынести развернутую историографию и обзор источников в приложение, ограничившись во введении анализом степени разработанности темы; применительно к этой работе подобное устройство текста следует признать вполне рациональным. В приложения также помещен огромный корпус иллюстраций (213 (!) позиций), большинство из которых представляет собой ранее не публиковавшуюся архивную проектную графику, изображения из профессиональных изданий и диссертаций, а также современные натурные фотографии, сделанные автором (причем география его полевых исследований включает не только Подмоскowie, но, напр., и сибирские «наугограды»). Визуальные материалы включают также серию схем, которые представляют развернутую во времени картину институционального устройства проектных организаций Академии Наук (с указанием мастерских и их руководителей), а также сопоставление

фасадных композиций научных учреждений, которые были спроектированы ГИПРОНИИ в 1955–1961 гг., etc. Библиография диссертации включает 204 публикации на русском и английском языках, список источников – 119 позиций. При этом, как указывает автор, многочисленные исследования (в т. ч. диссертации), выполненные с 1960-х годов сотрудниками ГИПРОНИИ, представляют позицию участников процесса – поэтому, формально представляя собой примеры «secondary literature», в этой работе они выступают скорее в качестве источников.

Хронологическая организация текста диссертации подразумевает членение на десятилетия, в каждое из которых в ансамблях научных центров воплощаются стилевые тенденции, актуальные для советской архитектуры и отражающие изменения в мировом контексте. Так, согласно автору, в 1960-е в архитектуре этих городов утверждается Интернациональный стиль, в 1970-е в практике проектирования получают развитие тенденции позднего модернизма, на 1980-е приходится «кризис модернистских утопий». В качестве мелкого замечания отметим, что используемая К.С. Антипиным стилевая типология хотя и является вполне легитимной и инструментальной, не выглядит универсальной и общеразделяемой; возможно, в этом случае стоит оговаривать, к какой «школе», к какой традиции относит себя автор. Впрочем, оперирование стилевой терминологией, стилевыми категориями применительно к архитектуре XX века всегда порождает подобные трудности и дискуссии. Так, тезис К.С. Антипина о том, что в архитектуру подмосковных научных центров практически не проникают постмодернистские практики («единственный явно постмодернистский концепт был предложен для Пущино «Сенежской студией»), может быть поставлен под сомнение исходя из приводимых им же примеров. Скажем, проект торгового центра в Черноголовке (илл. 4.40) представляет собой вполне постмодернистский коллаж из цитат современной архитектуры (от Л. Кана до М. Грейвза и П. Айзенмана и японцев) – даже если его проектировщики еще не знали слова «постмодернизм». Многие из упомянутых автором построек середины 1980-х

носят отчетливо постмодернистский характер и вряд ли могут быть истолкованы исходя из «модернистской парадигмы» (если, конечно, не трактовать ее максимально расширительно).

Особо отметим период второй половины 1950-х – начала 1960-х годов, на который приходится «начало проектирования научных городков» и которому посвящена вторая глава диссертации. Этот «переходный период» в истории советской архитектуры относится к числу наименее изученных, и диссертация К.С. Антипина – важный вклад в историографию вопроса. Автор выдвигает и обосновывает в своем исследовании следующий тезис: «Процесс стилового перехода к модернизму в период “оттепели”, ранее трактовавшийся как линейное и поступательное упрощение неоклассики, на примере научных комплексов предстает как волнообразное движение: вслед за резким отказом от фасадной пластики в середине 1950-х гг. она постепенно возвращается в форме редуцированной неоклассики, а в начале 1960-х гг. – столь же резко происходит переход к интернациональному модернизму». Впрочем, в заключительной части работы сам диссертант отмечает: «<...> Выявленный частный случай усложнения фасадной пластики во второй половине 1950-х гг. не опровергает принятую историографическую схему: в масштабе страны локальные процессы усредняются, сглаживая асинхронность и разнонаправленность колебаний на коротком интервале». Думается, приводимый автором пример можно воспринимать как очередное свидетельство в пользу необходимости дополнять генерализующие модели архитектурной истории – тщательными и подкрепленными архивным материалом исследованиями отдельных сюжетов, проблем, объектов, институций, персоналий. Блестящим примером подобного исследования и является диссертация К.С. Антипина.

В рамках этой работы автором сделан ряд открытий в области истории советской архитектуры, сформулированы идеи, ранее отчетливо не артикулированные в историографии (напр., утверждение о влиянии постановления 1980 г. «Об ограничении строительства административных и

общественных зданий» на практики проектирования или о связи облика научных центров с особенностями институциональной организации проектных структур).

Научная новизна диссертации, ее новаторский характер несомненны и очевидны. Это утверждение относится и к фактологической стороне исследования (впервые реконструируется архитектурно-градостроительная история нескольких научных центров, в оборот вводится множество архивных документов), и к концепции, и к заключениям, к которым приходит автор.

К.С. Антипин так сформулировал цель работы: «Представить модель описания творческого процесса, показывающую, как действия институций и персоналий, а также смена стилевых ориентиров соотносились с эволюцией архитектурных и градостроительных замыслов подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг.». Цель эта вполне достигнута; более того, она выглядит даже менее амбициозной, чем можно заключить по прочтении текста: автор подробно анализирует не только «эволюцию замыслов», но и их воплощение, рассматривает не только проекты, но и реализованные сооружения и ансамбли, и эта связь с реальностью делает исследование еще более информативным и целостным.

Оппонент считает необходимым еще раз подчеркнуть самое выгодное мнение об исследовании К.С. Антипина – фундаментальном, концептуально внятном, отлично выстроенном, убедительном, фактологически надежном, построенном на солидном документальном основании и безусловно новаторском.

Отдельные замечания, которые есть у оппонента, следует рассматривать скорее как приглашение к дискуссии, и они могут быть учтены автором при переработке диссертации в монографию (или, скорее, серию монографий, поскольку многие из затронутых К.С. Антипиным сюжетов допускают развертывание в отдельные исследования). В диссертационном же формате мера подробности и набор привлекаемых примеров и объектов для

исследования представляются вполне достаточными, а текст – стройным и сбалансированным.

Итак, автор в первой главе уделяет обширное место проектам московского комплекса Академии Наук 1930–1950-х. Однако история проектирования «научных ансамблей» к этому эпизоду не сводится, можно вспомнить и ранние примеры наподобие городка в Колтушах, и историю с конкурсами на ансамбль ВИЭМ и проч. Равным образом, проектирование научно-исследовательских структур и соответствующие изыскания в этой области не были исключительно вотчиной ГИПРОНИИ. Вероятно, создатели академических научных центров были в курсе работы коллег из других институций. Список доступных им западных исследований в области архитектуры «для научных целей» и руководств по проектированию таковой также, вероятно, не исчерпывается приведенным в библиографии скромным набором публикаций (в частности, антропометрические и эргономические опыты советских архитекторов – часть обширной мировой традиции, начиная с работ Э. Нойферта и его предшественников). При дальнейшей разработке истории отдельных ансамблей и зданий полезным было бы рассмотрение параллелей и источников из мировой практики, анализ того, что на архитектурном слэнге сегодня называется «референсами» (напр., упомянутых в диссертации Медицинских лабораторий Ричардса в UPenn или оставшегося без упоминания Института Солка в Ла Хойе; творчество их автора, Луиса Кана, было особенно популярно в СССР после американской выставки 1965 года). Это же касается и более развернутого обсуждения интернациональных стилевых тенденций, с которыми соотносятся советские проекты – скажем, помимо необрутализма и японского метаболизма в последних можно усмотреть влияние и голландских архитекторов-структуралистов etc. В качестве курьеза отметим, что упоминаемая К.С. Антипиным эффектная цветная схема мастерплана Технического университета Лафборо была помещена на обложке 137 номера L'Architecture d'Aujourd'hui, но у русскоязычной версии журнала (напомним, переводная «Современная



архитектура» выходила в СССР с 1961 по 1973 год) обложка другая. Впрочем, проекту Лафборо в этом выпуске, специально посвященном университетам, отведена обширная, на пять полос, статья с иллюстрациями. Вообще, западный контекст советской научной архитектуры заслуживает, как представляется, существенно большего внимания — достаточно упомянуть мастерплан Иллинойского технологического института работы Л. Мис ван дер Роэ или другую хорошо известную советским зодчим модернистскую «икону» — Технический центр General Motors в Мичигане арх. Ээро Сааринена (см., напр., водонапорную башню). Показательно, что инициаторы строительства научных центров Академии ориентируются на университетские города типа Оксфорда или Кембриджа, хотя советская система организации научной отрасли была ближе к немецкой, в которой исследования сосредоточены прежде всего не в университетах, а в *Forschungsinstitut*'ах.

Из замечаний частного характера отметим также некоторый «теоретический дисбаланс», характерный для заключительной, пятой главы — в ней диссертант обращается к идеям А. Лефевра, Дж. Джекобс и др., хотя предыдущие разделы лишены такого концептуального подкрепления. Несколько схематичным представляется сведение причин стилового поворота в СССР 1950-х к личным вкусам и воле одного Н.С. Хрущева: эта работа как раз встраивается в ряд исследований, призванных разнообразить, усложнить и уточнить упрощенную и одномерную картину, в которой архитектурная политика и практика есть непосредственное воплощение воли политического руководства, «зодчего Сталина».

И, наконец, некоторые возражения оппонента вызывает стилистика текста, который во многих местах отходит от строгости научного жанра и изобилует формулировками, характерными скорее для жанра научно-популярного; Впрочем, это можно отнести на счет стремления автора облегчить чтение этого сложно устроенного, подробного и в общем очень внятно, отчетливо и прозрачно написанного исследования.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.10.3. — Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура) (по отрасли наук Искусствоведение), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Антипин Константин Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3. — Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Официальный оппонент:

Кандидат искусствоведения,

Доцент Международной школы искусств и культурного наследия

Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,

Басс Вадим Григорьевич

31.10.2025

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация:

17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и  
архитектура


Адрес места работы:

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская улица, д. 6/1, лит. А

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего  
образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,  
Международная школа искусств и культурного наследия

Тел.: +78123867635; e-mail: [arts@eu.spb.ru](mailto:arts@eu.spb.ru)

Подпись сотрудника Автономной некоммерческой образовательной  
организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-  
Петербурге» В. Г. Басса удостоверяю.

 *С. Г. Басса*

